

Алекс Скай

Его репутация
была безупречна...
пока не пришла

она

KINGSTONE
GROUP

ПЫШКА
спасает
БОССА,
или
РЕПУТАЦИЯ
ПОД КАБЛУКОМ

РЕПУТАЦИЯ
KINGSTONE GROUP

ПОД УГРОЗОЙ

Алекс Скай

Пышка спасает босса, или Репутация под каблуком

<https://litres.ru/74532997>

SelfPub; 2026

Аннотация

Алиса Карамельцева пришла на собеседование в крупную компанию, опоздала, застряла в турникете, ворвалась не в ту презентацию и случайно наступила каблуком на репутацию самого холодного босса столицы.

Максим Громов привык управлять людьми, контрактами и кризисами. У него идеальный костюм, ледяной взгляд и проблема: после публичного скандала его считают высокомерным тираном, которому срочно нужно человеческое лицо.

Алиса — пышная, смешная, дерзкая и слишком умная пиарщица, чтобы стать чьим-то украшением. Она умеет превращать провалы в вирусные кампании, папки — в легенды, пончики — в стратегическую зону доверия, а властных боссов — в людей, которым вдруг начинают верить.

Но когда публика решает, что между ними не только работа, совет директоров требует использовать этот интерес. Теперь Алиса и Максим должны появляться вместе, улыбаться камерам и делать вид, что всё под контролем.

Только вот чувства в медиаплан не внесёшь.

Содержание

Глава 1. Каблук, который всё испортил	5
Глава 2. Босс, которого надо очеловечить	31
Глава 3. Не трогайте мой пончик, Громов	59
Г	80
Конец ознакомительного фрагмента.	81

Пышка спасает босса, или Репутация под каблуком

Глава 1. Каблук, который всё испортил

В тот день я поняла простую вещь: если судьба решила дать тебе шанс, она сначала обязательно застрянет твоей юбкой в турникете.

А потом ещё попросит предъявить пропуск.

— Девушка, вы куда? — охранник за стеклянной стойкой смотрел на меня так, будто я не пришла на собеседование, а пыталась вынести из бизнес-центра лифт.

— На сорок второй этаж, — сказала я и попыталась улыбнуться как человек, у которого всё под контролем.

Получилось, кажется, как у женщины, которая уже мысленно пишет завещание своим пирожным.

Пакет с пирожными висел у меня на локте, сумка сползала с плеча, телефон дрожал в руке, а юбка, приличная, чёрная, деловая и, как выяснилось, предательская, зацепилась за блестящий металлический край турникета. И нет, это не был маленький аккуратный зацеп, который можно незаметно поправить двумя пальцами. Это был полноценный союз

ткани и железа, заключённый без моего согласия и явно не собирающийся расторгаться мирно.

— Я на собеседование в “Громов Медиа”, — добавила я.

— Алиса Карамельцева. Антикризисный пиар.

Охранник посмотрел на меня, потом на пакет.

— С тортами?

— С пирожными. Это разные уровни ответственности.

— У нас с едой нельзя.

Я посмотрела на пакет. Внутри лежали эклеры для Кати, моей лучшей подруги и главного человека, который утром сказал: “Алиса, не волнуйся, ты создана для этого собеседования”. Через пять минут после этой фразы она добавила: “И купи мне эклеров, а то я создана для страданий”.

Катя работала в соседнем здании, и я, как настоящий страгег, решила совместить карьерный рывок с доставкой сладкого. Теперь карьерный рывок висел на турникете, а сладкое находилось под угрозой конфискации.

— Это не еда, — сказала я. — Это эмоциональная поддержка в коробке.

— Всё равно нельзя.

— Смотрите, если я сейчас оставлю их тут, они будут лежать одиноко и терять товарный вид. Вы же не хотите стать свидетелем гибели прекрасного?

Охранник моргнул.

Юбка тем временем натянулась так, что я сделала шаг назад и едва не врезалась в мужчину в дорогом сером пальто.

Он недовольно отступил, оглядел меня сверху вниз, задержался взглядом на моих бёдрах, потом на пакете, потом снова на юбке, будто пытался решить, какая часть этой композиции оскорбила его больше.

Я улыбнулась ему.

— Не переживайте, я почти освободилась. Ещё минута, и турникет сдастся.

— Может, вам помочь? — сухо спросил охранник.

— Если вы умеете договариваться с техникой лучше, чем я с бывшими начальниками, буду благодарна.

Техника, видимо, услышала и решила не позориться при свидетелях. Ткань наконец отпустило, я шагнула вперёд, турникет пискнул, пакет качнулся, сумка сползла окончательно, телефон выскользнул из пальцев и шлёпнулся на пол экраном вниз.

Тишина в холле стала уважительной.

Я наклонилась за телефоном, стараясь делать вид, что именно так и планировала — эффектное появление, проверка прочности пола, лёгкий перформанс на тему “женщина и стеклянный бизнес-центр”.

Экран уцелел.

Уже успех.

На нём сияло: 10:03.

Собеседование было назначено на десять.

— Отлично, — сказала я. — Я не опоздала. Я драматически усилила ожидание.

Охранник всё-таки выдал мне временный пропуск. Пирожные он после короткой паузы разрешил пронести, но с таким лицом, будто лично рисковал будущим всей башни. Я пообещала ему один эклер после собеседования, если меня не выведут раньше.

— Почему должны вывести? — спросил он.

— Я всегда рассматриваю несколько сценариев.

Лифт, разумеется, ушёл прямо перед моим носом.

Я нажала кнопку. Потом ещё раз. Потом посмотрела на своё отражение в зеркальной стене и попыталась оценить ущерб.

В целом всё было не так плохо. Белая блузка сидела хорошо, чёрная юбка после битвы с турникетом выглядела чуть менее уверенной, чем утром, зато всё ещё держалась. Рыжеватые волосы, собранные в низкий хвост, выбились у висков, но это можно было выдать за мягкость образа. Помада не поплыла. Тушь тоже. Щёки горели, но я могла представить, что это не от паники, а от естественного сияния женщины, которая пришла покорять карьерные вершины и по дороге чуть не вышла замуж за турникет.

Я была пышной.

Не “чуть-чуть не модель”, не “надо просто подобрать фасон”, не “у тебя красивое лицо”. Я давно решила не делать вид, что меня можно описать так, будто тело — это временное недоразумение, которое нужно срочно объяснить окружающим. У меня были грудь, бёдра, талия, которая ино-

гда соглашалась появляться в правильном платье, и чувство юмора, которое выручало чаще любого идеального размера.

Правда, на собеседованиях юмор требовалось дозировать.

Работодатели любят живых сотрудников ровно до той секунды, пока живость не начинает задавать вопросы к их корпоративной культуре.

Лифт поднял меня на сорок второй этаж слишком медленно для моего опоздания и слишком быстро для моих нервов. Двери открылись в светлый холл “Громов Медиа”: мрамор, стекло, сталь, большой логотип на стене и девушка на ресепшене с такой гладкой укладкой, что рядом с ней мои выбившиеся пряди выглядели как заявление о свободе личности.

— Алиса Карамельцева, — сказала я. — Собеседование на вакансию антикризисного пиарщика.

Девушка взглянула на экран.

— Вас ожидали в переговорной “Лондон”.

— Прекрасно. Я как раз морально готова к туману, чаю и финансовой тревоге.

Она не улыбнулась.

Ладно. Значит, здесь юмор пока проходил строгую проверку службы безопасности.

— Направо по коридору, потом налево, третья дверь.

— Спасибо.

Я пошла направо, потом налево, потом меня отвлек звонок Кати.

— Ты жива? — спросила подруга без приветствия.

— Физически да. Социально пока не уверена.

— Ты уже там?

— Да. Почти. Я только что победила турникет, охранника и искушение съесть твои эклеры от стресса.

— Мои эклеры не трогать. Как босс?

— Я его ещё не видела.

— Говорят, Максим Громов красивый, богатый и страшный.

— Прекрасный набор для мужчины, которого я собираюсь убедить взять меня на работу. Особенно “страшный”. Я сразу почувствую себя дома.

— Только не шути слишком много.

— Катя, я профессионал.

— Ты однажды на собеседовании сказала, что умеешь гасить репутационные пожары, потому что выросла в семье, где тётя Люба считала себя экспертом по всем вопросам.

— Меня тогда взяли.

— На испытательный срок.

— Но взяли же.

Я свернула не в тот коридор.

Поняла это через десять шагов, когда вместо двери с табличкой “Лондон” увидела большую стеклянную стену и зал, полный людей в дорогих костюмах. На стене светилась презентация. Перед экраном стоял мужчина.

Нет.

Не просто мужчина.

Это было что-то из той категории, которую женские журналы называют “опасная харизма”, а обычная женщина в опоздавшей юбке — “лучше бы я сегодня осталась дома”.

Высокий, тёмноволосый, в идеально сидящем костюме, с лицом, на котором всё было выверено: резкие скулы, спокойный рот, взгляд человека, привыкшего, что мир движется после его короткого приказа. Он не жестикулировал, не улыбался, не пытался понравиться аудитории. Он просто стоял, и казалось, что даже проектор старается светить аккуратнее.

Максим Громов.

Я узнала его по фотографиям на сайте компании. На фото он выглядел холодным. Вживую — так, будто холод прошёл дорогие бизнес-курсы и научился заключать сделки.

Я уже собиралась тихо отступить, но дверь за моей спиной решила иначе. Она мягко, почти ласково закрылась.

Щёлк.

Очень громкий щёлк.

В зале обернулись все.

Я осталась стоять у входа с пакетом пирожных, временным пропуском на груди и выражением лица, которое, надеюсь, можно было принять за стратегическую уверенность.

Максим Громов замолчал.

Его взгляд скользнул по мне. Быстро. Точно. Без хамства, но так, что я сразу почувствовала: он заметил всё. Опоздание, пакет, сбившуюся прядь, чужой зал, вероятно, даже мо-

ральное состояние моих туфель.

— Вы кто? — спросил он.

Голос у него был низкий, спокойный и совершенно не предназначенный для того, чтобы людям рядом становилось уютно.

— Алиса Карамельцева, — сказала я. — Я, кажется, немного не туда.

— Это закрытая презентация.

— Тогда хорошая новость: я не успела раскрыть её конкурентам. Только вошла.

В первом ряду кто-то тихо кашлянул. Не уверена, от смеха или от ужаса.

Громов не улыбнулся.

— Выведите постороннюю, — сказал он, не повышая голоса.

У стены поднялся мужчина с бейджем службы безопасности.

И вот тут я должна была развернуться и выйти.

Правда.

Любой разумный человек так бы и сделал. Извинился, покраснел, ушёл искать “Лондон”, потом до конца жизни вспоминал бы, как чуть не сорвал презентацию Громова с пакетом эклеров.

Но на экране за спиной Максима в этот момент завис слайд.

“Антикризисная стратегия доверия: вернуть челове-

ское лицо бренду”.

Ниже — графики падения упоминаний, негативные комментарии, заголовки: “Громов Медиа снова обвиняют в холодности”, “Компания без лица”, “Максим Громов: эффективный, но недоступный”.

Я посмотрела на слайд.

Потом на зал.

Там сидели люди, которые уже не слушали презентацию. Они держали лица, кивали, делали пометки, но живого интереса не было. Всё выглядело так, будто компания пыталась доказать человечность с помощью шрифтов, графиков и мужчины, который мог взглядом заморозить кофе.

Охранник сделал шаг ко мне.

— Подождите, — сказала я.

Громов медленно поднял бровь.

Очень немного.

Но эффект был такой, будто в зале щёлкнул ещё один замок.

— Вы хотите задержать мою презентацию? — спросил он.

— Нет. Я хочу её спасти.

Тишина.

Та самая, редкая, дорогая тишина, которая бывает только перед тем, как человек либо делает карьеру, либо превращается в легенду офисного позора.

— Интересно, — произнёс Громов. — За сколько секунд вы планируете это сделать?

Я посмотрела на экран, на людей в зале и на пакет с пирожными.

— За три минуты. Если ваши сотрудники не успеют вывести меня раньше.

Мужчина из службы безопасности замер и посмотрел на Громова.

Тот молчал.

Мне показалось, что в его глазах мелькнуло раздражение. Не яркое, не горячее. У Максима Громова раздражение явно носило дорогой костюм и умело составлять договоры.

— Три минуты, — сказал он наконец. — Потом вы покинете зал.

— Договорились.

Я поставила пакет на ближайший стул и вышла чуть вперёд. Каблуки стукнули по полу слишком громко, но отступить было поздно. Передо мной сидели члены совета, топ-менеджеры, несколько партнёров и, кажется, потенциальные инвесторы. Взгляды были разные: удивление, скепсис, раздражение, любопытство.

Любопытство — уже хорошо.

Репутация начинается там, где человеку становится интересно дослушать.

— Доброе утро, — сказала я. — Я Алиса Карамельцева, антикризисный пиарщик, временно посторонняя, случайно вошедшая не в тот зал. И это, как ни странно, уже больше похоже на живой кризис, чем всё, что написано на вашем

слайде.

Кто-то во втором ряду поднял голову.

Я продолжила:

— У вас проблема не в том, что бренд считают холодным. Холодным быть можно. Некоторые напитки именно за это любят. Проблема в том, что вы пытаетесь доказать человечность языком, который звучит как инструкция к сейфу.

На этот раз смешок был явным.

Негромким, осторожным, но живым.

Громов стоял сбоку, сложив руки за спиной. Он не перебивал. Не одобрял. Просто смотрел так, будто мысленно уже решал, куда именно меня вынесут после третьей минуты.

— Вот смотрите, — я указала на слайд. — “Вернуть человеческое лицо бренду”. Это звучит так, будто лицо у бренда было, но ушло в отпуск и не оставило адрес. Люди не верят формулировкам. Люди верят моментам. Ошибкам. Реакциям. Неловким ситуациям. Тому, что можно переслать подруге со словами: “Смотри, они тоже живые”.

Я подняла пакет.

— Например, я пришла к вам на собеседование, застряла в турникете, принесла пирожные, опоздала и вошла не туда. Это катастрофа? Для меня — да, особенно если меня сейчас выведут. Для бренда — нет. Потому что я уже десять раз за последние пять минут показала больше человеческого, чем этот слайд за весь день.

В первом ряду женщина с короткими светлыми волосами

наклонилась к соседу.

— Что вы предлагаете? — спросила она.

Вот.

Пошёл вопрос.

Я повернулась к ней.

— Перестать делать вид, что репутация — это лакированный шкаф, на котором нельзя оставить отпечатки. Сейчас аудитория не любит идеальных. Она любит тех, кто умеет отвечать за неловкость и не разваливаться, когда что-то идёт не по плану.

— И как это применить к Максиму Сергеевичу? — спросил мужчина у окна.

Я посмотрела на Громова.

Он смотрел на меня.

Очень спокойно.

Слишком спокойно для человека, которого сейчас публично собирались применить.

— Начать с того, что Максим Сергеевич не должен изображать доброго соседа, который сам печёт булочки по воскресеньям, если он явно не печёт.

В зале кто-то тихо хрюкнул и тут же сделал вид, что кашлянул.

Громов не шелохнулся.

— Ему не нужно становиться “своим парнем”. Это будет фальшиво. Ему нужно стать понятным. Сильный, закрытый, требовательный руководитель — это не проблема. Проблема

ма, если люди думают, что за этой требовательностью нет ни принципов, ни чувства юмора, ни способности признавать неловкость.

— У Максима Сергеевича есть чувство юмора? — осторожно спросил кто-то сзади.

Я посмотрела на него.

— Не знаю. Я здесь восемь минут, три из них неофициально. Но если нет, это можно подать как редкий формат премиального минимализма.

Зал рассмеялся.

Уже не осторожно.

По-настоящему.

И вот тут случилось главное: люди посмотрели не только на меня. Они посмотрели на Громова. Ждали, как он отреагирует. Разозлится? Оборвёт? Прикажет вывести?

Он молчал секунду.

Потом сказал:

— Время почти вышло, Алиса Карамельцева.

Без улыбки.

Но в зале снова засмеялись.

Потому что это прозвучало не как угроза. Почти как продолжение.

— Тогда финал, — сказала я. — Ваша новая стратегия должна быть не “мы стали добрее”, а “мы достаточно сильные, чтобы быть живыми”. Покажите не идеального босса. Покажите босса, который может выдержать случайную по-

стороннюю на презентации и не потерять контроль. Люди любят контроль. Но ещё больше они любят момент, когда контроль не делает человека каменным.

Я закончила.

Три минуты истекли.

В зале было тихо, но уже совсем иначе. Не пусто. Не скучно. Люди думали. Кто-то улыбался. Женщина в первом ряду делала пометки. Мужчина у окна смотрел на меня так, будто пытался понять, почему это не было в их презентации изначально.

Громов подошёл ближе.

— Вы закончили?

— Да.

— Хорошо. Теперь выйдите.

Вот теперь зал ожил совсем.

Кто-то ахнул. Кто-то усмехнулся. Я почувствовала, как жар поднимается к щекам, но заставила себя держать улыбку. Не широкую. Не обиженную. Рабочую.

— Конечно, — сказала я. — Я всё равно шла в “Лондон”, а попала, видимо, в “Холодный фронт”.

Ещё один смешок.

Громов чуть наклонил голову.

— Вы часто нарушаете маршруты?

— Только когда маршрут плохо подписан или судьба требует контента.

Я повернулась за пакетом.

И вот тут мой правый каблук встретил на полу кожаную папку.

Дорогую. Чёрную. С серебристой застёжкой. Наверное, она упала со стула, когда я ставила пакет, или кто-то положил её туда до меня. В обычной жизни я бы её обошла. В нормальной жизни у меня был бы шанс. Но сегодня нормальная жизнь осталась где-то на первом этаже рядом с турникетом.

Каблук попал прямо на застёжку.

Хруст.

Не громкий, но очень выразительный.

Звук дорогого аксессуара, который только что пересмотрел свои жизненные планы.

Я медленно подняла ногу.

Застёжка отлетела в сторону.

В зале снова стало тихо.

Я посмотрела на папку.

Потом на Громова.

Он смотрел на папку так, будто она была важнее некоторых людей. Возможно, так и было.

— Это ваша? — спросила я.

— Была, — сказал он.

Вот тут я должна была извиниться.

Правда должна была.

Но я уже находилась в том состоянии, когда мозг устал бояться и начал работать напрямую. Без согласования с инстинктом самосохранения.

Поэтому я сказала:

— Если ваша репутация такая же хрупкая, как эта папка, вам точно нужен пиарщик.

Секунда.

Две.

А потом зал взорвался смехом.

Не весь сразу. Сначала первый ряд. Потом кто-то у окна. Потом даже серьёзный мужчина в очках, который весь мой экспромт смотрел так, будто решал, можно ли меня законно стереть из протокола.

Громов не смеялся.

Разумеется.

Максим Громов, кажется, вообще не делал ничего, что могло бы быть истолковано как потеря контроля. Но уголок его рта едва заметно дрогнул.

Совсем немного.

На долю секунды.

И именно в эту долю я заметила телефон в руке у молодого сотрудника у стены.

Он снимал.

Я посмотрела на него.

Он понял, что я поняла, и опустил телефон слишком поздно.

Прекрасно.

Мой карьерный рывок только что получил видеOVERSIYU.

— Теперь точно выйдете, — сказал Громов.

— С радостью. Но папку я морально похороню.

Я забрала пакет с пирожными и вышла из зала под тихий смех, шёпот и взгляды, которые уже не были просто осуждающими. В коридоре я закрыла за собой дверь, прислонилась к стене и выдохнула.

Собеседование, судя по всему, закончилось до начала.

Телефон тут же завибрировал.

Катя.

Я приняла звонок.

— Ну как? — спросила она. — Ты уже очаровала босса?

— Я сломала ему папку.

Пауза.

— Это метафора?

— К сожалению, материальный факт.

— Алиса.

— И, кажется, меня сняли на видео.

— Алиса!

— Зато я спасла презентацию. Возможно. Теоретически.

До момента с папкой всё шло неплохо.

— Ты где сейчас?

— У стены. Думаю, в какую сторону бежать: к лифтам или сразу в новую жизнь под чужим именем.

Дверь переговорной открылась.

На пороге появилась та самая женщина с короткими светлыми волосами из первого ряда. Она держала планшет и смотрела на меня уже не как на случайную нарушительницу,

а как на проблему, которая неожиданно оказалась решением.

— Алиса Карамельцева?

Я убрала телефон от уха.

— Да.

— Я Елена Маркова, член совета директоров. Пройдёмте.

— Меня всё-таки будут выводить официально?

— Нет. Вас будут собеседовать.

Я моргнула.

— После папки?

— Особенно после папки.

Катя в телефоне зашептала:

— Не ешь мои эклеры от волнения!

Я сбросила звонок.

— Конечно, — сказала я Елене. — Я как раз пришла на собеседование. Просто выбрала маршрут через публичный позор.

Она улыбнулась.

— У нас как раз вакансия для человека, который умеет превращать публичный позор в возможность.

Меня провели в настоящую переговорную “Лондон”. Табличка была там, где и обещали: третья дверь слева, если не отвлекаться на судьбу. В комнате пахло кофе, дорогой мебелью и решениями, которые принимают люди с хорошими зарплатами. На столе стояла вода, лежали распечатанные резюме и открытый ноутбук.

Через пять минут туда вошёл Максим Громов.

Без сломанной папки.

Но с тем же лицом человека, который не привык проигрывать обстоятельствам, особенно если обстоятельства зовут Алиса, носят каблуки и таскают пирожные.

Он сел напротив.

Елена Маркова устроилась справа, рядом ещё двое директоров. Я поставила пакет с эклерами на пол под столом, чтобы больше ничего ценного не разрушить.

— Итак, — сказала Елена. — Алиса, расскажите о своём опыте.

Я открыла рот, но Громов опередил:

— Сначала объясните, почему вы опоздали.

Я посмотрела на него.

— Хотите честную версию или ту, которая звучит профессионально?

— Честную.

— Я застряла в турникете.

Один из директоров прикрыл рот рукой.

Елена улыбнулась.

Громов не изменился в лице.

— Из-за чего?

— Из-за юбки, пирожных и переоценки собственных возможностей.

— Вы всегда так оцениваете риски?

— Нет. Обычно лучше. Сегодня, видимо, судьба решила

проверить стрессоустойчивость на практике.

— И какой вывод?

— Турникет сильный, но я упрямее.

Елена засмеялась открыто.

Громов посмотрел на неё, потом снова на меня.

— Вы понимаете, что антикризисный пиар в нашей компании не состоит из шуток?

— Конечно. Шутка — это не стратегия. Это дверь. Через неё люди готовы войти туда, куда в формате официального заявления они даже не посмотрят.

Он впервые чуть подался вперёд.

— Продолжайте.

И я продолжила.

Уже без случайных выходов на сцену. Рассказала о прошлых проектах, о том, как вытаскивала локальный бренд после неудачного запуска, как переводила негативные комментарии в диалог, как заставляла руководство перестать говорить мёртвыми фразами. Не хвасталась. Не оправдывалась. Просто показывала, что за моей способностью шутить стоит профессия, а не привычка отвлекать людей от моей фигуры, громкого голоса и умения появляться не вовремя.

Громов слушал внимательно.

Слишком внимательно.

С ним было трудно. Не потому, что он перебивал. Как раз нет. Он задавал точные вопросы, отрезал лишнее, мгновенно замечал слабые места в примерах. Рядом с ним хотелось

выпрямиться и одновременно спрятать пакет с пирожными глубже под стол.

— Вы понимаете, — сказал он ближе к концу, — что если мы возьмём вас, вам придётся работать не с весёлой аудиторией из зала. Вам придётся работать со мной.

— Сочувствую вам, — сказала я.

Елена прыснула.

Громов посмотрел на меня долгим взглядом.

— Вы слишком много шутите.

— Я шучу, когда вижу напряжение. У вас в компании его столько, что мне хочется выставить счёт за переработку.

— Смелое заявление для человека, которого ещё не наняли.

— Тогда считайте это бесплатной демонстрацией продукта.

На столе завибрировал телефон Елены.

Потом у второго директора.

Потом у третьего.

Ни у Громова. Его телефон лежал экраном вниз, и я почему-то была уверена: даже уведомления у него приходят стрелом и по расписанию.

Елена открыла сообщение.

Её лицо изменилось.

— Максим, — сказала она. — Видео уже в сети.

Громов медленно повернул голову к ней.

— Какое видео?

Она развернула планшет.

На экране была я.

Вхожу в зал с пакетом. Говорю про инструкцию к сейфу.
Говорю про премиальный минимализм чувства юмора. Ло-
маю папку. Произношу ту самую фразу.

Подпись под роликом гласила:

“Девушка случайно ворвалась на закрытую презентацию
Громова и сказала всё за нас”.

Просмотры росли прямо на глазах.

Комментарии бежали вниз:

“Кто она? Верните её!”

“Громову срочно нужна эта женщина в штате”.

“Папку жалко, но репутацию спасла”.

“Впервые Громов Медиа выглядит живым”.

“Она смешная. Он почти улыбнулся. Я свидетель”.

Я медленно отодвинулась от стола.

— В свою защиту скажу, что я не просила меня снимать.

Громов взял планшет.

Посмотрел ролик без звука. Потом включил звук. Досмот-
рел до фразы про папку.

В комнате стало очень тихо.

— Кто выложил? — спросил он.

— Уже выясняем, — сказал один из директоров.

Елена смотрела не на ролик. На цифры.

— Максим, это лучший охват за последние полгода. И комментарии... положительные. Даже там, где смеются, смеются не зло.

Громов положил планшет на стол.

— Это не стратегия. Это случайность.

— Любая хорошая стратегия должна уметь использовать случайность, — сказала я.

Он посмотрел на меня.

Очень медленно.

— Вы всегда отвечаете?

— Нет. Только когда вопрос интересный или меня ещё не уволили.

— Вас не наняли.

— Значит, простор для манёвра шире.

Елена закрыла планшет.

— Моё мнение: берём.

— Моё тоже, — сказал второй директор. — Нам нужен этот тон.

Третий кивнул:

— И быстро. Пока ролик обсуждают.

Громов молчал.

Я сидела напротив и понимала, что сейчас решается не просто вакансия. Решается, стану ли я женщиной, которая случайно сломала папку богатого босса и исчезла в офисных

легендах, или женщиной, которая после этого получила работу.

Оба варианта были, честно говоря, достойны мемуаров.

Наконец Громов сказал:

— Испытательный срок. Один месяц. Прямое подчинение мне. Любая публичная активность согласуется заранее. Никаких самовольных выступлений. Никаких импровизаций без разрешения. Никаких пирожных в переговорных.

Я посмотрела на пакет под столом.

— Последний пункт спорный.

— Не спорный.

— Максим Сергеевич, я пришла в вашу компанию, застряла в турникете, сорвала презентацию, сломала папку, попала в сеть и подняла вам охват. Мне кажется, пирожные имеют право на статус стратегического ресурса.

Елена снова улыбнулась.

Громов встал.

— Завтра к девяти. Не к девяти ноль три. Не через турникетную драму. К девяти.

Я тоже поднялась.

— Принято.

Он протянул руку.

Я пожала её.

Ладонь у него была тёплой и сильной. Совсем не такой ледяной, как его репутация. И это почему-то сбilo меня сильнее, чем все сегодняшние катастрофы.

— Алиса Карамельцева, — сказал он, — если вы сломаете мне ещё одну папку, стоимость вычтут из вашей премии.

— Максим Сергеевич, если я спасу вам ещё одну презентацию, премию придётся увеличить.

На этот раз он почти улыбнулся.

Почти.

Но я заметила.

А я, между прочим, профессионал по репутационным мелочам.

Когда я вышла из “Громов Медиа”, охранник внизу поднял глаза от стойки.

— Ну как?

Я протянула ему обещанный эклер из пакета.

— Меня взяли.

— С пирожными?

— Благодаря им.

На улице было холодно, шумно и очень ярко. Телефон разрывался от сообщений Кати, незнакомых уведомлений и ссылок на ролик, который продолжал разлетаться по сети. Я стояла у входа в стеклянную башню, держала в руках остатки пирожных и понимала, что завтра вернусь сюда уже не случайной посторонней.

А человеком, которому поручили спасти репутацию Максима Громова.

Бедная репутация.

Она ещё не знала, что теперь находится под моим каблу-

KOM.

Глава 2. Босс, которого надо очеловечить

На следующий день я пришла в “Громов Медиа” в восемь сорок две.

Без пирожных.

С запасом времени.

И в юбке, которая прошла дома дополнительный инструктаж по поведению у турникетов.

Охранник за стеклянной стойкой узнал меня сразу. Это было видно по тому, как его серьёзное лицо сначала дрогнуло, потом он посмотрел на мои руки, убедился, что пакета нет, и только после этого выдал временный пропуск.

— Сегодня без стратегического ресурса? — спросил он.

— Ресурс был съеден заинтересованными сторонами.

— Жаль.

— Не переживайте, вы всё равно вошли в историю. Турникет тоже.

Он покосился на турникет.

— Я вчера дома ролик видел.

— Мои соболезнования.

— Жена сказала, что вы смешная.

— Передайте жене спасибо. А вы что сказали?

Охранник приложил пропуск к считывателю и усмехнулся.

ся.

— Что турникет победили честно.

После такого благословения входной зоны можно было смело считать, что день начался лучше вчерашнего. Я прошла через турникет без происшествий, чем была почти разочарована: теперь у нас с ним отношения стали слишком официальными.

В лифте я проверила телефон.

Ролик продолжал жить собственной жизнью. За ночь он разлетелся по нескольким деловым пабликам, двум каналам про офисный юмор и одному женскому сообществу, где меня уже называли “та самая пышка с папкой”. Формулировка была спорная, но, с другой стороны, в интернете могли назвать хуже. Комментарии делились на три лагеря: первые требовали немедленно дать мне работу, вторые жалели сломанную папку, третьи обсуждали, действительно ли Максим Громов почти улыбнулся.

Последние были самыми опасными.

Народ, который умеет рассмотреть улыбку там, где сам мужчина, возможно, просто перестал презирать воздух на долю секунды, способен на многое.

На сорок втором этаже меня встретила та же девушка на ресепшн, но сегодня её безупречная укладка уже не выглядела как обвинение в адрес моих волос. Или я просто стала увереннее после того, как за сутки успела ворваться на чужую презентацию, сломать дорогую папку и получить рабо-

ту.

— Алиса Карамельцева? — спросила она.

— Всё ещё да. Хотя после вчерашнего рассматривала варианты сменить имя.

Она улыбнулась. Едва заметно, но всё же.

— Вас ждут в переговорной “Прага”. Прямо по коридору, налево, вторая дверь.

— Точно “Прага”? Не “Лондон”, “Холодный фронт” или “Финансовая бездна”?

— Точно “Прага”.

— Спасибо. Сегодня я настроена на географическую точность.

“Прага” оказалась небольшой переговорной с круглым столом, стеклянной стеной и видом на город, который с высоты сорок второго этажа казался аккуратным макетом человеческих амбиций. За столом уже сидела Елена Маркова, вчерашняя член совета директоров, благодаря которой я не ушла из компании под аплодисменты охраны. Рядом с ней — женщина лет тридцати пяти в строгом сером костюме, с идеально прямыми тёмными волосами и лицом, на котором было написано: “Я умею сокращать бюджеты и людей одним взглядом”.

— Алиса, доброе утро, — сказала Елена. — Вы вовремя.

— Я решила не превращать пунктуальность в отдельную антикризисную кампанию.

Елена улыбнулась.

Женщина в сером не улыбнулась.

— Виолетта Орлова, — представила её Елена. — PR-директор “Громов Медиа”.

Ага.

Вот и первый человек, которому я испортила утро одним фактом своего найма.

Виолетта протянула мне руку. Рукопожатие у неё было сухое, чёткое и короткое, как пункт в договоре.

— Я смотрела ваше резюме, — сказала она. — И вчерашний ролик.

— Надеюсь, в таком порядке.

— Впечатление сложилось комплексное.

Фраза звучала почти вежливо, если не прислушиваться к металлическому блеску под словами.

— Комплексное — уже лучше, чем “необратимое”, — сказала я.

Елена кашлянула, скрывая смешок.

Виолетта посмотрела на неё, потом снова на меня.

— Мы ценим чувство юмора, Алиса. Когда оно не мешает рабочему процессу.

— Полностью согласна. Юмор должен работать, а не бегать по офису без должностной инструкции.

— У нас строгая система согласований. Публичные заявления, ролики, комментарии, тексты для руководства — всё проходит через PR-отдел.

— То есть через вас.

— Верно.

Я села за стол.

— Прекрасно. Люблю, когда у хаоса есть ответственный взрослый.

Виолетта не отреагировала. Профессионал.

Елена открыла папку.

Обычную. С пластиковой застёжкой. Я оценила гуманностьвыбора.

— Алиса, ситуация такая. Вчерашний ролик дал нам охват, которого мы не получали давно. Сам по себе он проблему репутации не решает, но показывает направление. Люди впервые обсуждают Максима Сергеевича не только как холодного руководителя, но и как человека, рядом с которым может возникнуть живая ситуация.

— Человек, рядом с которым ломают папки, — уточнила я. — Это пока узкая ниша, но у неё есть потенциал.

— Именно поэтому, — продолжила Елена, — совет утвердил вашу задачу на испытательный месяц. За четыре недели нужно изменить публичное восприятие Максима Громова.

Виолетта подключила экран, и на стене появилась таблица с графиками, заголовками, цитатами из комментариев и словами, которые чаще всего связывали с боссом компании.

“Жёсткий”.

“Холодный”.

“Неприступный”.

“Эффективный, но без лица”.

“Корпоративный ледник”.

“Человек-кабинет”.

Последнее мне понравилось.

Я даже записала.

— Нам нужно, — сказала Елена, — сделать его более понятным для аудитории. Не слабым, не смешным, не простым. Живым.

— То есть очеловечить босса, — сказала я.

Виолетта чуть напряглась.

— Я бы не использовала такую формулировку в рабочих документах.

— В рабочих не будем. В голове оставим. Она честная.

Дверь переговорной открылась.

Максим Громов вошёл ровно в тот момент, когда я произнесла слово “очеловечить”. Разумеется. Судьба, похоже, решила, что случайные входы — теперь наша общая корпоративная традиция.

Сегодня он был в тёмно-синем костюме, белой рубашке и с таким выражением лица, будто утро уже допустило несколько стратегических ошибок. Я поймала себя на том,

что сразу посмотрела на его руки. Папки не было.

Разумный человек.

— Кого именно вы собираетесь очеловечивать? — спросил он.

— Пока обсуждаем кандидатов, — сказала я. — Но вы лидируете.

Елена опустила взгляд в документы. Виолетта сделала вид, что меня нет. Максим закрыл дверь и сел напротив.

— У нас месяц, — сказал он. — Мне нужны конкретные действия, а не красивые формулировки.

— Тогда начнём с неприятного.

— Начинайте.

— Ваша репутация сейчас держится на дисциплине, статусе и идеальных костюмах. Всё это хорошо, пока вы продаёте не доверие, а шкафы для совещаний.

Виолетта медленно повернулась ко мне.

— Алиса.

— Я мягко.

— Это мягко?

— Да. Жёстко было бы с иллюстрациями.

Максим не перебил. Только чуть прищурился, и я поняла: он не терпит болтовню, но уважает точность. Значит, можно продолжать, пока не скатилась в цирк с графиками.

Я встала и подошла к экрану.

— Сейчас аудитория не понимает, что за вашей требовательностью стоит. Принципы? Гордыня? Нелюбовь к людям?

Аллергия на спонтанность? Им не нужен весёлый Максим Громов, который внезапно пляшет на корпоративе и раздаёт воздушные шарик. Им нужен человек, которому можно верить, даже если он говорит строго.

— Я не пляшу на корпоративах, — сказал Максим.

— Это все уже подозревали.

Елена улыбнулась.

Я переключила слайд, который Виолетта подготовила заранее, и открыла свой файл с телефона через общий экран. Да, я готовилась. Вчера, после того как Катя сначала пятнадцать минут кричала, что я легенда, потом двадцать минут ругалась, что я не привезла ей все эклеры, я села дома и набросала план. Потому что случайности хорошо работают только один раз. Дальше начинается профессия.

На экране появилось:

“Месяц живой репутации Максима Громова”.

Подзаголовок я оставила без “очеловечивания”. Виолетта могла выдохнуть.

— Первое, — сказала я. — Живое интервью без заученной речи. Не “мы нацелены на устойчивое развитие доверия”, а нормальные ответы нормального человека. Второе — деловой завтрак с партнёрами, где вы не читаете доклад, а разговариваете. Третье — серия коротких видео: тридцать-сорок секунд, один вопрос, один честный ответ. Четвёртое — встреча с клиентами без стеклянной стены между “мы компания” и “вы аудитория”. Пятое — неформальная

фотосессия.

Максим посмотрел на пятый пункт так, будто я предложила ему прийти в офис верхом на розовом велосипеде.

— Нет.

— Вы даже не уточнили, какая.

— Слово “неформальная” достаточно.

— Максим Сергеевич, неформальная — это не обязательно босиком на ковре и с котом на руках.

— Кота не будет.

— Я и не планировала. С котом вы бы проиграли. У кота было бы больше эмоций.

Елена тихо засмеялась.

Виолетта поджала губы.

Максим посмотрел на меня.

— У вас в плане слишком много публичной импровизации.

— У вас в репутации слишком мало жизни.

— Репутация строится дисциплиной.

— Репутация держится дисциплиной. Строится она доверием.

— Доверие строится результатами.

— Результаты приводят людей к вам первый раз. Доверие заставляет остаться, когда конкуренты предложат дешевле, ярче или громче.

Он замолчал.

Это была хорошая тишина. Не обиженная, не властная, не

“выведите постороннюю”. Он думал.

Виолетта решила, что это опасно.

— План требует серьёзной доработки, — сказала она. — Мы не можем превращать руководителя уровня Максима Сергеевича в персонажа развлекательного контента.

— И не будем, — ответила я. — Мы покажем человека, который умеет выдерживать внимание без брони из корпоративных фраз.

— А если аудитория начнёт смеяться?

— Уже начала. Вопрос в том, над нами или вместе с нами.

Максим поднял взгляд.

— Вы уверены, что сможете управлять этим вниманием?

Я честно подумала секунду.

— Нет. Никто не может полностью управлять вниманием живых людей. Но я могу дать ему направление, в котором оно будет работать на вас, а не против.

— Честный ответ, — сказала Елена.

— Редко выгодный, — добавила Виолетта.

— Зато полезный, — сказала я.

Максим закрыл мой план на экране и встал.

— Начнём с короткого видео. Сегодня.

Я моргнула.

— Сегодня?

— Вы предложили. Проверим.

— У меня была иллюзия, что сначала мы обсудим подход, тональность, сценарий, риски, площадки...

— Обсудим после первого результата.

— Вы всегда так работаете?

— Быстро?

— Беспощадно к чужому кофе.

— Кофе можно взять с собой.

Через двадцать минут я уже стояла в небольшой студии на том же этаже. Вчера я думала, что “Громов Медиа” — это просто дорогие переговорные, стекло и люди, которые умеют смотреть на таблицы без слёз. Оказалось, здесь был полноценный контент-блок: свет, камеры, фоны, звук, оператор, который представился Никитой, и ассистентка Соня, сразу улыбнувшаяся мне так, будто мы тайно на одной стороне.

— Я видела ролик, — шепнула она, пока мы настраивали микрофон. — Фраза про папку — огонь.

— Папка с вами не согласилась бы, но спасибо.

Максим стоял у серого фона и изучал текст, который за десять минут набросала Виолетта. Я прочитала его один раз и почувствовала, как у меня внутренний пиарщик лёг на пол, притворившись ковриком.

“Здравствуйте. Я Максим Громов. В последние дни компания получила значительный общественный отклик. Мы ценим внимание аудитории и намерены продолжать работу над повышением прозрачности коммуникации...”

— Нет, — сказала я.

Виолетта, стоявшая у монитора, медленно повернулась.

— Что “нет”?

— Всё нет. Каждое слово отдельно и вся конструкция целиком. Это не приветственное видео, это заявление шкафа на собрании мебели.

Никита за камерой издал странный звук и сразу закашлялся.

Максим посмотрел на текст.

— Что конкретно не так?

— Вы хотите стать понятнее людям?

— Да.

— Тогда нельзя начинать с фразы “значительный общественный отклик”. Так говорят, когда боятся произнести “вы много смеялись над моей папкой”.

— Над папкой не смеялись, — сказал он.

— Максим Сергеевич, папка сейчас популярнее половины ваших пресс-релизов.

Соня отвернулась к стойке со светом.

Плечи у неё подозрительно дрожали.

Виолетта вмешалась:

— Алиса, мы не будем упоминать папку в официальном видео.

— Тогда аудитория упомянет её за нас в комментариях. И будет права. Если слон стоит в комнате, бессмысленно делать вид, что это новый торшер.

— Папка не слон, — сказал Максим.

— Согласна. Слон бы выдержал мой каблук.

На этот раз даже оператор не выдержал и засмеялся вслух.

Максим посмотрел на него.

Никита моментально стал профессиональнее любого штатива.

Я подняла руки.

— Хорошо. Компромисс. Мы не говорим “папка”. Мы признаём ситуацию. Коротко. Спокойно. Без самоунижения. Например: “Вчера в нашей компании случилась незапланированная презентация. Иногда лучшие идеи появляются не по расписанию”. Дальше вы говорите, что будете отвечать на вопросы аудитории в серии коротких видео. Всё. Человечно, сухо в меру, без ощущения, что вас заставили улыбаться под протокол.

— Улыбаться не требуется, — сказал Максим.

— Требуется не смотреть так, будто вы сейчас купите планшету, чтобы запретить на ней веселье.

Он посмотрел именно так.

— Вот, — сказала я. — Это оно.

Елена, которая пришла посмотреть съёмку, прикрыла рот ладонью.

Виолетта была несчастна так профессионально, что я почти восхитилась.

Мы переписали текст. Потом ещё раз. Потом Максим встал перед камерой, свет включился, Никита дал отсчёт, и мой новый босс произнёс:

— Здравствуйте. Я Максим Громов. Вчера в нашей компании случилась незапланированная презентация...

Пауза была хорошей.

Интонация — такая, будто он объявлял о начале налоговой проверки.

Я подняла руку.

— Стоп.

Максим медленно повернул голову.

— Что теперь?

— Вы говорите так, будто незапланированная презентация будет наказана и лишена премии.

— Я говорю нормально.

— Для объявления внутреннего аудита — да. Для живого видео — нет.

— Покажите.

Я не сразу поняла.

— Что показать?

— Как надо.

Вот в этом был весь Громов. Не “поясните”, не “предложите вариант”, не “давайте обсудим”. А короткое “покажите”, после которого ты либо доказываешь, что не просто болтаешь, либо красиво падаешь с собственного пьедестала.

— Хорошо, — сказала я. — Только не смейтесь.

— Я не планировал.

— Вот именно это и пугает.

Я встала на место перед камерой. Никита опустил её чуть ниже, потому что мой рост и рост Максима относились к разным архитектурным эпохам. Соня поправила свет. Я взяла

лист, но почти сразу отложила.

— Смотрите, смысл не в том, чтобы стать актёром. Смысл в том, чтобы говорить так, будто за камерой не “аудитория”, а конкретный человек, который вчера увидел ролик и подумал: “О, у них там не только графики, но и жизнь”. Ему не нужна ваша исповедь. Ему нужен знак, что вы в курсе шутки и не развалились от неё.

— Запись идёт? — спросил Никита.

— Нет, — сказала Виолетта.

— Идёт тест, — сказал Никита.

Я не обратила внимания. Тест так тест.

Я посмотрела в камеру.

— Здравствуйте. Я Максим Громов. Да, тот самый, у которого вчера публично пострадала папка. Она была хорошим бойцом, но каблук оказался убедительнее. Если серьёзно, спасибо всем, кто написал, что впервые увидел в “Громов Медиа” не только строгие отчёты, но и живых людей. Мы решили продолжить. Теперь раз в неделю я буду отвечать на ваши вопросы — без длинных пресс-релизов, без фраз, которые хочется переводить на человеческий, и, по возможности, без ущерба офисному имуществу.

Я остановилась.

В студии было тихо.

Потом Соня сказала:

— Вот это надо выкладывать.

— Нет, — одновременно сказали Максим и Виолетта.

Я повернулась к ним.

— Разумеется нет. Это пример. Максим Сергеевич не будет говорить “хороший боец” про папку, хотя я лично считаю, что папка заслужила посмертный брендированный стикер.

— Алиса, — произнёс Максим.

— Молчу.

— Не похоже.

— Тренируюсь.

Он смотрел на меня слишком внимательно. Не как на женщину, нет. Пока нет. Скорее как на новый инструмент, который сначала показался слишком шумным, а потом вдруг сработал там, где дорогой механизм дал сбой.

Это было приятно.

И опасно для моей профессиональной самооценки, которая тут же надела каблуки повыше.

Мы сняли ещё пять дублей.

Максим постепенно перестал звучать как человек, которому вручили чужую речь и попросили не помять. Он всё ещё был сдержанным, сухим, не улыбочивым. Но в последнем варианте появилась живая пауза после слов про незапланированную презентацию. Не шутка. Не тепло. Просто признание, что событие произошло, и он не собирается делать вид, будто вчера на его презентацию ворвался невидимый корпоративный дух.

— Уже лучше, — сказала я.

— Насколько? — спросил Максим.

— Если первый дубль был “робот сообщает о погоде”, то этот — “очень серьёзный человек допускает существование человеческой речи”.

— Прогресс впечатляет.

— Не зазнавайтесь, у нас впереди улыбка.

— Нет.

— Я же не сказала, что сегодня.

— Всё равно нет.

Никита сохранил материалы. Виолетта сразу потребовала финальный вариант для согласования. Я уже собиралась выйти из студии, когда Соня вдруг посмотрела на монитор и нахмурилась.

— Никит, а тестовый дубль Алисы куда сохранился?

— В папку проекта.

Виолетта резко обернулась.

— Какой тестовый дубль?

— Где Алиса показывала пример.

— Удалить.

— Подождите, — сказала Елена.

Ох, нет.

Я уже видела это выражение на её лице вчера. Так смотрит человек, который не просто увидел случайность, а начинает считать её бюджетную эффективность.

— Елена, — сказала Виолетта, — мы не можем снова строить коммуникацию компании на случайном юморе.

— Не на случайном, — ответила Елена. — На реакции аудитории.

— Аудитория должна реагировать на Максима Сергеевича.

— Пока она лучше реагирует на то, как Алиса помогает ему стать понятнее.

Максим молчал.

Мне это не нравилось. Когда он говорил “нет”, хотя бы было ясно, куда ставить щит. Когда он молчал, хотелось проверить, не подписывает ли он мысленно приказ о моём дальнейшем существовании.

— Я против публикации теста, — сказала я.

Все посмотрели на меня.

Даже Виолетта, кажется, удивилась, что мы вдруг оказались на одной стороне, пусть и по разным причинам.

— Почему? — спросила Елена.

— Потому что это перетянет внимание с Максима Сергеевича на меня. Вчера это сработало, потому что было неожиданно. Если сегодня мы снова выкладываем меня, люди решат, что компания использует смешную девушку как костыль для босса. А мне, при всём уважении к собственному обаянию, не хочется начинать работу в роли корпоративного костыля с помадой.

Соня улыбнулась.

Елена задумалась.

Максим наконец сказал:

— Разумно.

Одно слово.

Но у меня почему-то возникло ощущение, будто мне вручили маленькую медаль за выживание среди начальственных взглядов.

— Тогда выкладываем мой вариант, — сказал он. — Тест Алисы оставляем внутренним.

Виолетта кивнула слишком быстро.

— Согласна.

На этом можно было бы закончить день спокойно.

Но спокойные дни, видимо, не входили в мой испытательный срок.

Пока мы выбирали финальный дубль, кто-то из монтажной группы уже успел отправить короткий фрагмент теста в общий рабочий чат. Не наружу. Внутри компании. Казалось бы, мелочь. Но в компании, где вчера случайный ролик ушёл в сеть быстрее, чем я нашла нужную переговорную, слово “внутренний” звучало примерно как “пока ещё не горит”.

Через час ко мне подошла Соня и тихо протянула телефон.

— Алиса, только не ругайся.

— С такими вступлениями обычно надо сразу садиться. В рабочем чате уже было несколько десятков сообщений. “Верните Алису в кадр”.

“Вот это человеческий язык”.

“Громов так не скажет, но пусть хотя бы стоит рядом”.

“Папка-боец — лучший образ недели”.

“А можно серию: Алиса переводит босса на человеческий?”

Я прикрыла глаза ладонью.

— Прекрасно. Первый рабочий день, а я уже стала внутренним мемом.

— Хорошим мемом, — сказала Соня.

— Соня, хорошие мемы тоже иногда заканчиваются совещанием.

Совещание случилось через двадцать минут.

В кабинете Максима.

Если переговорные “Громов Медиа” были дорогими, то его кабинет был дорогим сдержанно, что намного опаснее. Тёмное дерево, стекло, большой стол, город за окнами, несколько чёрно-белых фотографий на стене. Никаких лишних предметов. Никаких смешных кружек. Никаких признаков, что человек здесь когда-либо ел печенье над клавиатурой и жалел о крошках.

Максим стоял у окна, Виолетта сидела в кресле справа, Елена — слева. Я вошла и сразу поняла: обсуждают меня.

Неплохая традиция для первого дня.

— Алиса, — сказала Елена, — ситуация изменилась.

— Скажите, что папка воскресла и требует компенсацию?

— Сотрудники пересылают ваш тестовый дубль по внутренним чатам, — сказала Виолетта. — Это нарушение порядка распространения материалов.

— Я не распространяла.

— Но вы создали контент, который провоцирует несогласованное распространение.

Я посмотрела на неё.

— Это самое изящное обвинение в моей жизни. Обычно мне просто говорили: “Алиса, опять ты”.

Максим повернулся от окна.

— Вопрос не в виноватых. Вопрос в решении.

— Решение простое, — сказала Виолетта. — Удаляем все копии, публикуем официальный ролик Максима Сергеевича, Алису оставляем за кадром.

Елена не согласилась:

— Мы можем использовать реакцию аккуратно. Например, сделать формат: Максим отвечает, Алиса задаёт вопрос. Без перетягивания внимания, но с живой динамикой.

— Нет, — сказал Максим.

Мы все посмотрели на него.

— Почему? — спросила Елена.

— Потому что аудитория должна привыкать к моему голосу, а не ждать, что кто-то будет смягчать каждую фразу рядом со мной.

Вот это было неожиданно.

И, что неприятнее, правильно.

Я пришла очеловечивать босса, а не становиться его переводчиком на нормальный язык до конца жизни. Если публика будет любить только меня рядом с ним, кампания провалится красиво, весело и с хорошими просмотрами, но всё равно провалится.

— Согласна, — сказала я.

Виолетта снова удивилась. Сегодня я явно портила ей удовольствие быть единственным разумным человеком в комнате.

Максим посмотрел на меня.

— Обоснуйте.

— Если мы сразу сделаем дуэт, люди будут ждать шоу. Это хорошо для охватов, но плохо для вашей личной репутации. Нужно сначала показать, что вы сами способны говорить живее. А меня использовать дозированно: как автора формата, иногда как голос за кадром, позже — как участницу, если это будет стратегически оправдано.

— То есть вы предлагаете не выходить в кадр, хотя аудитория просит именно вас?

— Да.

— Почему?

Я улыбнулась.

— Потому что я пиарщик, а не женщина, которая случайно стала смешной и решила поселиться в чужой репутации. Он смотрел на меня несколько секунд.

Потом кивнул.

— Хорошо. Публикуем мой ролик. Через два часа.

Виолетта поднялась.

— Я подготовлю текст поста.

— Алиса подготовит, — сказал Максим.

В кабинете стало чуть холоднее.

Не буквально. Просто Виолетта повернулась ко мне так, будто я перешла невидимую линию, нарисованную вокруг её территории.

— Максим Сергеевич, тексты публичных публикаций всегда проходят через мой отдел.

— Пройдут. Алиса пишет черновик, вы согласуете.

Вот так я получила не только задачу, но и первого полноценного врага в компании. Не явного, не кричащего, не глупого. Опасного именно потому, что Виолетта была профессиональна. Её нельзя было победить шуткой, случайным роликом или фразой про папку. Она знала систему изнутри, а я пока только училась не путать переговорные.

После совещания я вышла в коридор и наконец позволила себе прислониться плечом к стене.

Телефон тут же завибрировал.

Катя.

“Ну как первый день? Уже стала директором?”

Я набрала:

“Пока только внутренним мемом, угрозой PR-директору и человеком, которому поручили очеловечить босса без пра-

ва показывать себя в кадре”.

Ответ пришёл мгновенно:

“Звучит как повышение”.

Я фыркнула.

Соня, проходившая мимо с папкой, улыбнулась.

— Всё нормально?

— Конечно. Просто мой карьерный рост напоминает лифт, в котором кнопки подписаны не этажами, а видами катастроф.

— Зато вы не скучная.

— В резюме надо было так и написать.

Через два часа официальный ролик Максима вышел на странице “Громов Медиа”.

Мы выбрали сдержанный текст поста, где признавали вчерашний случай без лишней игривости и обещали серию коротких ответов на вопросы аудитории. Максим в ролике был всё ещё Максимом: строгим, собранным, с голосом, который мог построить отдел продаж в одну линию. Но он не прятался за мёртвыми формулировками. Не делал вид, что ролика с папкой не было. И в конце произнёс:

— Иногда хорошие идеи приходят не по расписанию. Мы решили не закрывать перед ними дверь.

Это была моя фраза.

Почти.

Он произнёс её так, будто лично проверил дверь на прочность, но всё равно произнёс.

Первые комментарии пошли через минуту.

“Ого, Громов признал мем”.

“Нормально. Уже живее”.

“А где девушка с папкой?”

“Верните смешную пышку!”

“Без неё он опять слишком серьёзный”.

“Нет, пусть она задаёт вопросы!”

“Громов старается, но Алиса была огонь”.

“Требуем рубрику: пышка спасает босса”.

Я смотрела на экран и понимала, что мы получили ровно то, чего боялись и хотели одновременно.

Ролик сработал.

Но аудитория уже выбрала не просто Максима.

Она выбрала нашу связку.

За моей спиной раздался голос:

— Они требуют вас.

Я обернулась.

Максим стоял в дверях контент-блока, держа телефон в руке. Лицо спокойное, но взгляд внимательный.

— Не меня, — сказала я. — Формат.

— В комментариях написано “верните смешную пышку”.

— Интернет редко пишет служебные записки корректно.

Он подошёл ближе и остановился рядом, глядя на бегущую ленту комментариев.

— Вас это задевает?

Вопрос был неожиданным.

Не деловым.

И от этого я не сразу нашла шутку, которая подошла бы по размеру.

— Зависит от интонации, — сказала я наконец. — Иногда “пышка” звучит тепло. Иногда — как будто человек не смог увидеть ничего, кроме тела. В интернете обычно мешают всё в одну кастрюлю и удивляются, почему суп странный.

Максим молчал.

Я уже решила, что сказала лишнее, но он произнёс:

— В наших публикациях такого обращения не будет.

Не “вы сами выбрали образ”. Не “аудитории нравится”. Не “это же позитивно”. Просто короткое решение.

Внутри что-то предательски потеплело.

Очень некстати.

— Спасибо, — сказала я. — Но совсем запрещать людям тоже не надо. Если они любят образ, пусть любят. Главное, чтобы за образом видели работу.

— Увидят.

— Это приказ аудитории?

— Намерение.

— Уже лучше. Вы почти говорите по-человечески.

— Ваше влияние пугает.

— Подождите до неформальной фотосессии.

— Её не будет.

— Будет. Просто вы пока на стадии отрицания.

Он посмотрел на меня.

— А вы всегда так уверены?

— Нет. Но в дорогих офисах стараюсь выглядеть убедительно. Мебель обязывает.

На экране появился новый комментарий:

“Громов без Алисы — как кофе без сахара. Крепко, но жить тяжело”.

Я прочитала и не удержалась от смеха.

Максим тоже посмотрел.

— Я пью кофе без сахара, — сказал он.

— Никто не сомневался.

— Это проблема?

— Нет. Просто многое объясняет.

Он впервые за день улыбнулся.

Не почти.

Не уголком рта, который можно списать на случайное сокращение лицевых мышц.

А по-настоящему. Недолго, сдержанно, но достаточно, чтобы я поняла: если это попадёт на видео, интернет ляжет штабелями и попросит добавки.

К счастью, камера была выключена.

К сожалению, я это видела.

А значит, теперь мне придётся жить с знанием, что Максим Громов умеет улыбаться не как человек, который покупает планету, а как мужчина, которому всё-таки стало смешно.

Это усложняло задачу.

Потому что очеловечить босса я ещё могла.

А вот не начать замечать в нём человека — оказалось куда труднее.

Глава 3. Не трогайте мой пончик, Громов

На третий день работы я поняла, что в “Громов Медиа” существуют три уровня опасности.

Первый — случайно войти не в ту переговорную.

Второй — заставить Максима Громова записать живое видео.

Третий — предложить поставить на деловом завтраке сладкий стол.

Последнее, как выяснилось, звучало для моего босса примерно как “давайте украсим совет директоров воздушными шариками и посадим финансового директора в обнимку с плюшевым единорогом”.

— Нет, — сказал Максим.

Он стоял посреди банкетного зала отеля “Северная линия”, где через два часа должен был начаться закрытый завтрак с партнёрами, журналистами и несколькими людьми, от которых зависел контракт на сумму, способную примирить с жизнью даже самый унылый бухгалтерский отдел. На нём был тёмный костюм, идеально белая рубашка и выражение лица человека, который лично обнаружил угрозу корпоративной цивилизации в виде пончиков с карамельной глазурью.

— Вы даже не спросили, что именно “нет”, — сказала я.

— Сладкий стол. Нет.

— Максим Сергеевич, это не сладкий стол. Это стратегическая зона доверия.

Он посмотрел на длинный стол у окна, где сотрудник кейтеринга как раз расставлял маленькие тарелки с мини-кексами, пончиками, тарталетками с ягодами и шоколадными завитками. Смотрел так, будто вся эта композиция могла сорвать сделку, рухнуть на репутацию компании и оставить на ней крошки.

— Это несолидно.

— Несолидно — это когда на деловом завтраке люди сорок минут держат чашку кофе и делают вид, что им удобно разговаривать стоя рядом с вазой из хромированных веток. А сладкий стол помогает расслабиться.

— Мы не для расслабления собираемся.

— Вот именно поэтому вам и нужен сладкий стол.

Он медленно повернулся ко мне.

— Алиса.

Это было моё имя в его исполнении номер четыре. Я уже успела составить внутреннюю классификацию. Первый вариант — сухой, официальный: “Алиса Карамельцева”, им он пользовался при директорах и тогда, когда хотел напомнить, что у нас трудовые отношения. Второй — короткий рабочий: “Алиса”, если я сказала что-то разумное. Третий — предупредительный, с паузой после имени: значит, я приближалась

к границе допустимого. Четвёртый был особенным. В нём слышалось: “Вы сейчас снова попытаетесь убедить меня в очевидной нелепости, и что хуже — у вас может получиться”.

— Максим Сергеевич, — ответила я тем же деловым тоном. — Люди приходят не к памятнику в костюме. Они приходят к человеку, с которым им предстоит работать. Если они будут видеть только стекло, графики и ваш профиль на фоне бренд-волла, им проще остаться при старом мнении: эффективно, дорого, ледяно. А если вы возле пончиков спокойно поговорите с партнёром о его проекте, это запомнят лучше любой презентации.

— Я не буду разговаривать возле пончиков.

— Будете.

— Нет.

— Смотрите, мы уже почти достигли живого диалога. Осталось добавить углеводов.

Соня, которая помогала мне с расстановкой карточек для гостей, резко отвернулась к столу с бейджами. По её плечам было видно, что карточки стали невероятно смешными.

Виолетта Орлова вошла в зал в тот момент, когда Максим снял взгляд со сладкого стола и перевёл его на меня. Сегодня PR-директор выглядела безупречно: графитовый костюм, гладкие волосы, тонкая папка с программой мероприятия. Она всегда носила с собой папки так, будто это были не папки, а знаки превосходства над хаосом. Я старалась дер-

жаться от них подальше. В моей истории с офисными принадлежностями уже было достаточно драматизма.

— Что происходит? — спросила Виолетта.

— Алиса пытается превратить деловой завтрак в детский праздник, — сказал Максим.

— Я пытаюсь превратить деловой завтрак в мероприятие, где люди не будут считать минуты до выхода.

— Сладкий стол не был согласован, — произнесла Виолетта.

Я открыла планшет.

— Был. В версии плана от вчерашнего вечера. Пункт шестой: “зона неформального общения у окна”. Я просто не стала писать “пончики”, чтобы не травмировать корпоративную строгость раньше времени.

Виолетта посмотрела на экран.

— “Зона неформального общения” не означает десерты.

— У нас разные школы пиара.

— У нас разные представления о репутации.

— Да, ваше стоит в углу с идеально ровной спиной и боится крошек.

Соня снова уронила карточку.

Максим бросил на неё короткий взгляд, и она моментально стала самой сосредоточенной девушкой в отеле.

Виолетта закрыла мою программу пальцем.

— Убираем.

— Нет.

Я сказала это спокойно, даже слишком спокойно для женщины, которая понимала, что сейчас спорит не просто о пончиках. В этом сладком столе вдруг сосредоточилось всё: мой подход, её контроль, его привычка вычищать из жизни любое лишнее движение и репутация, которую мы пытались сделать живой, не превращая босса в картонного весельчака.

Максим приподнял бровь.

— Нет?

— Нет, — повторила я. — Если хотите, я подпишу под этим столом личную ответственность. Если он провалится, вы сможете торжественно сказать: “Алиса, ваш пончик проиграл бизнесу”. Я переживу. Возможно, даже красиво.

— А если не провалится?

— Тогда вы перестанете смотреть на десерты как на угрозу национальной безопасности.

Он молчал.

Виолетта ждала, что он примет её сторону. Соня делала вид, что вообще родилась частью сервировки. Сотрудник кейтеринга застыл с подносом мини-круассанов и смотрел куда-то в пространство с профессиональной мудростью человека, который видел не одну корпоративную битву за сырную тарелку.

— Оставить, — сказал Максим наконец.

Виолетта повернулась к нему так резко, будто он лично отменил порядок в природе.

— Максим Сергеевич.

— Но, Алиса, — продолжил он, не глядя на неё, — если зона доверия превратится в зону хаоса, вы отвечаете.

— Приму удар на себя. И на пончик.

— Не трогайте мой завтрак.

— Тогда не трогайте мой пончик, Громов.

Фраза вылетела раньше, чем я успела придать ей более официальный вид. Например: “Прошу не вмешиваться в утверждённый элемент коммуникационной стратегии”. Но зал услышал именно то, что услышал.

Соня тихо пискнула.

Сотрудник кейтеринга опустил взгляд в поднос.

Виолетта посмотрела на меня так, будто мысленно внесла эту реплику в отдельную папку “Причины избавиться от Карамельцевой”.

Максим задержал на мне взгляд.

— Ваш пончик?

— В рамках проекта — да.

— Хорошо, — сказал он сухо. — Сохраните его репутацию.

Он ушёл проверять зону встречи партнёров, а я осталась у окна, чувствуя одновременно победу и лёгкое предчувствие беды. Обычно именно так начинаются события, после которых люди говорят: “Зато было не скучно”.

К девяти тридцати зал был готов. Большие окна выходили на город, утренний свет ложился на белые скатерти, на столах стояли небольшие композиции из зелени и тёплых зо-

лотистых элементов — не слишком роскошно, не слишком строго. Я настояла, чтобы у каждого места лежала карточка не только с именем, но и с коротким фактом о человеке: “интересуется городскими проектами”, “запустил образовательную платформу”, “любит честные цифры”. Это должно было помочь Максиму не говорить со всеми одинаково.

Он, разумеется, назвал это “ненужным украшательством”.

А через десять минут забрал себе второй комплект карточек.

Я ничего не сказала.

Просто отметила во внутреннем дневнике побед: “Громов — 0, украшательство — 1”.

Гости начали собираться ровно в десять. Партнёры входили осторожно, с теми самыми деловыми улыбками, в которых зубов много, а доверия мало. Журналисты держались чуть отдельно. Их было пятеро: двое из деловых изданий, одна блогерка о предпринимательстве, мужчина с канала о медиа и женщина лет сорока с внимательными глазами, короткой стрижкой и блокнотом в руках.

Я узнала её сразу.

Марина Вельская. Журналистка портала “Деловой ракурс”. Именно она пару месяцев назад написала колонку о “корпоративной холодности нового бизнеса”, где Максима назвала человеком, который “управляет не только компанией, но и температурой в помещении”. Статья набрала много просмотров, и, судя по тому, как Максим при её появлении

стал ещё ровнее, он тоже её помнил.

— Вельская пришла, — тихо сказала Соня у меня за спиной.

— Вижу.

— Она обычно задаёт неприятные вопросы.

— Отлично. Приятные вопросы нам задаёт только мама, и то если заранее не знает ответ.

Максим встретил Марину у входа лично. Сухо, вежливо, без малейшего намёка на обиду за ту колонку. В этом он был силён: никогда не показывал, что задет. Проблема в том, что люди иногда принимали это не за силу, а за отсутствие живой реакции.

— Марина Викторовна, — сказал он. — Рад, что вы приняли приглашение.

— Посмотрим, обрадуетесь ли вы к концу завтрака, Максим Сергеевич.

— Зависит от вопросов.

— Обычно — от ответов.

Я мысленно поставила Марине плюс.

Виолетта, стоявшая рядом, плавно вмешалась и увела журналистку к первому столу, где уже собирались гости. Я проверила программу, дала знак Никите на камеру для коротких рабочих кадров, поправила одну карточку, потом вторую, потом поймала себя на том, что поправляю уже поправленное, и остановилась.

Всё шло по плану.

Это настораживало.

Через пятнадцать минут Максим начал приветственную часть. Коротко, без лишней торжественности, почти живо. Мы долго убирали из его речи фразы, от которых хотелось проверить, не заснул ли смысл где-то между словами “устойчивое” и “взаимодействие”. В итоге осталось нормальное человеческое вступление: спасибо, что пришли; сегодня не презентация, а разговор; компания меняется не лозунгами, а действиями; вопросы приветствуются.

Он произнёс это хорошо.

Не тепло, нет. До “тепло” нам было как до отпуска без рабочих чатов. Но честно, сдержанно и без ощущения, что его заставили улыбаться под угрозой корпоративного тренинга.

Первые двадцать минут прошли спокойно. Партнёры задавали вопросы о новых проектах, Максим отвечал. Елена Маркова подключалась там, где требовалась мягкость. Виолетта следила за журналистами. Я — за всем сразу, как женщина, у которой зона доверия под личной ответственностью и пончики в заложниках у судьбы.

И вот в момент, когда я почти расслабилась, Максим подошёл к сладкому столу.

Сам.

Я заметила это краем глаза и едва не уронила планшет.

Он остановился рядом с тарелкой пончиков, посмотрел на неё, потом на меня через зал. Взгляд говорил: “Я здесь не потому, что вы победили. Я здесь потому, что это часть

плана”. Я ответила улыбкой: “Конечно-конечно. А пончик сам пришёл к вам на переговоры”.

К нему подошла Марина Вельская.

Вот теперь всё стало по-настоящему интересно.

Я быстро взяла маленький блокнот, который заранее спрятала на столе с программами, и направилась ближе, делая вид, что проверяю бокалы. Никита, к счастью, тоже заметил движение и аккуратно сместился так, чтобы поймать общий кадр, но не лезть в лицо.

— Не ожидала увидеть вас у десертного стола, — сказала Марина.

— Я тоже, — ответил Максим.

Неплохо.

Почти шутка.

Марина чуть улыбнулась.

— Это часть новой стратегии? Показать, что Громов Медиа не боится сахара?

Я мысленно застонала. Не потому, что вопрос был плохим. Он был прекрасным. Просто Максим сейчас мог ответить так сухо, что у ближайшей тарталетки опадёт настроение.

Я схватила карточку для рассадки, перевернула её чистой стороной и быстро написала: “Не защищайтесь. Признайте абсурд”.

Потом прошла мимо Максима и будто случайно положила карточку рядом с блюдом щипцов.

Он опустил взгляд.

Прочитал.

Посмотрел на меня.

Я подняла брови: ну давайте, босс, родите человека.

— Скорее часть эксперимента, — сказал он Марине. —

Алиса уверяет, что людям проще говорить с руководителем, если рядом есть что-то менее строгое, чем он сам.

Марина рассмеялась.

Я чуть не заплодировала пончиком.

— И как ощущения? — спросила она.

Максим посмотрел на стол.

— Пока держусь.

Марина снова засмеялась, уже теплее.

А я поняла, что наша зона доверия только что заработала.

Следующий вопрос был сложнее.

— Максим Сергеевич, многие считают, что ваша компания начала “очеловечиваться” только после случайного ролика с Алисой. Не кажется ли вам, что ваш новый образ держится на чужой харизме?

Вот оно.

Я видела, как Виолетта напряглась в нескольких шагах от нас. Елена повернулась. Никита продолжал снимать общий план. Максим мог ответить жёстко. Мог поставить журналистку на место. Мог сказать что-то про команду, стратегию и профессиональный подход. Всё это было бы правильно и мимо.

Я быстро написала на второй карточке: “Не отнимайте за-
слугу. Дайте ей место”.

Положить её рядом было сложнее. Я взяла маленькую тарелку, положила на неё пончик с карамельной глазурью, сверху — карточку, подошла к столу и сказала:

— Максим Сергеевич, ваш стратегический ресурс.

Он посмотрел на тарелку.

На карточку.

На меня.

И в этом взгляде было столько сдержанного предупрежде-
ния, что мой внутренний инстинкт самосохранения собрал
вещи и уехал в неизвестном направлении.

Марина смотрела с интересом.

Максим взял карточку.

Прочитал.

— Нет, — сказал он.

— Что нет? — спросила я слишком невинно.

— Я не буду держать пончик в руках во время ответа жур-
налисту.

— Жаль. Это был бы исторический кадр.

Марина уже улыбалась. Напряжение спало, но вопрос оставался.

Максим положил карточку на стол и ответил:

— Новый образ не держится на чужой харизме. Он дер-
жится на том, что у компании хватило ума заметить чело-
века, который говорит с аудиторией лучше наших прежних

документов. Алиса не украшение кампании и не случайный смешной эпизод. Она специалист. Если её работа помогает людям увидеть нас живее, значит, задача выполняется.

Я перестала улыбаться.

Не специально.

Просто не успела удержать привычную лёгкость.

Он сказал это спокойно, почти деловито. Но именно поэтому слова ударили точнее любой эффектной защиты. Он не назвал меня “талантливой девочкой”, не превратил в милый мем, не отшутился, не присвоил мой результат. Он дал мне место. Профессиональное. При журналистке, партнёрах, Виолетте и собственной компании.

И мне вдруг стало очень важно снова пошутить, пока никто не заметил, что я это услышала не только как пиарщик.

— Запишите, Марина Викторовна, — сказала я. — Максим Сергеевич публично признал, что документы говорят хуже меня. Это мой новый диплом.

Марина рассмеялась.

Максим посмотрел на меня с тем самым выражением, где раздражение уже начинало путаться с чем-то похожим на привычку.

— Алиса.

— Молчу. Берегу диплом.

К сладкому столу потянулись люди.

Сначала один партнёр взял кекс, потому что стоял рядом и будто бы просто не хотел обидеть выпечку. Потом второй

подошёл с вопросом к Максиму. Потом журналист из бизнес-канала попросил снять короткий фрагмент “без официоза”. Через десять минут у окна образовался живой круг: люди разговаривали, смеялись, задавали вопросы, а Максим отвечал. Не идеально. Иногда сухо. Иногда слишком коротко. Но уже не как человек-кабинет.

Скорее как человек, который пока не понимает, зачем рядом пончик, но готов признать его переговорную ценность.

Я стояла у колонны и делала пометки. Что сработало, какие вопросы вызвали живой отклик, где Максим напрягался, какие формулировки нужно убрать из следующего видео. Работала. Правда работала.

Пока рядом не появилась Виолетта.

— Вы довольны? — спросила она.

— Осторожно довольна. Вдруг где-то прячется несогласованный сырник.

— Вы рискуете.

— Постоянно. Но сегодня хотя бы по плану.

Она посмотрела на группу у окна.

— Максим Сергеевич не должен становиться объектом легкомысленного интереса.

— А он и не становится. Он становится человеком, с которым можно поговорить.

— Вы слишком быстро решили, что понимаете его репутацию.

— Я понимаю аудиторию.

— А Максима Сергеевича?

Вопрос был произнесён ровно, но под ним что-то блеснуло. Не ревность. Или не только она. Виолетта была не из тех женщин, кто будет шипеть из-за внимания мужчины. Она мыслила иначе: власть, влияние, доступ, контроль. Я вошла в зону, которую она считала своей, и теперь она пыталась понять, насколько глубоко я успела пройти.

— Для работы мне не нужно понимать его полностью, — сказала я. — Достаточно знать, где публика перестаёт ему верить.

— Осторожнее, Алиса. Иногда публика видит не то, что есть, а то, что ей выгодно придумать.

— Именно поэтому мы и занимаемся пиаром.

— Нет. Именно поэтому пиар должен держать дистанцию. Она ушла раньше, чем я успела ответить.

И как назло, почти сразу после этого дистанция решила проверить себя на прочность.

Один из официантов неловко задел подносом край стола, и стакан с апельсиновым соком качнулся прямо в сторону Максима. Времени было мало. Я стояла ближе всех, поэтому шагнула вперёд, подхватила стакан, спасла пиджак босса и слегка облила собственный рукав.

В целом — успех. Если не считать того, что я оказалась слишком близко к Максиму.

Так близко, что уловила лёгкий аромат его парфюма — строгий, свежий, дорогой, без попытки понравиться всем.

Конечно, даже парфюм у него был с характером владельца контрольного пакета акций.

— Осторожнее, — сказал он тихо.

— Я спасла ваш костюм. Это уже второй материальный объект, связанный с вами. Первый не выжил.

Он посмотрел на мой рукав.

— Вы испачкались.

— Ничего страшного. Рукав не участвует в переговорах.

— Соня принесёт салфетки.

— Максим Сергеевич, если вы сейчас начнёте заботиться о сотрудниках при журналистах, нам придётся включить это в стратегию.

— Я забочусь о внешнем виде мероприятия.

— Конечно. Мой рукав благодарит вас как часть мероприятия.

Уголок его рта дрогнул.

Совсем чуть-чуть.

Но я уже знала, что это значит. И, к сожалению, начинала ждать этого чаще, чем следовало.

Марина Вельская всё видела.

Разумеется.

Журналисты вообще видят всё, особенно то, что потом можно превратить в одну строку, способную взорвать отдел коммуникаций. Она ничего не сказала, только сделала пометку в блокноте.

Я мысленно попросила вселенную быть милосердной.

Вселенная промолчала.

К полудню завтрак завершился лучше, чем я надеялась. Партнёры задержались на двадцать минут дольше программы. Двое попросили отдельную встречу. Журналисты ушли с нормальными комментариями. Никита наснимал материала на три коротких ролика. Пончики исчезли почти полностью, что я расценила как победу человечности над страхом крошек.

Максим подошёл ко мне, когда зал уже пустел.

— Стратегическая зона доверия сработала.

— Повторите, пожалуйста. Я хочу поставить это на будильник.

— Не злоупотребляйте.

— Поздно. Я уже мысленно вышила это на подушке.

Он посмотрел на стол.

— В следующий раз меньше десертов.

— В следующий раз больше карточек с подсказками.

— Я заметил.

— И как вам?

— Вы рисковали.

— Зато вы ответили лучше, чем могли.

— Вы уверены?

— Да.

— Слишком самоуверенно.

— Нет. Профессионально. Разница тонкая, но в мою пользу.

Он хотел что-то сказать, но в этот момент к нам подошла Елена с телефоном в руке.

— Марина уже выложила заметку.

Виолетта, будто возникшая из воздуха, сразу остановилась рядом.

— Так быстро?

— Формат короткой колонки, — сказала Елена и открыла экран.

Я наклонилась чуть ближе.

Заголовок был такой:

“Максим Громов у сладкого стола: как ледяной босс учится говорить с людьми”.

— Ну, — сказала я, — могло быть хуже. Могли написать “пончик победил корпорацию”.

Елена пролистала ниже.

И вот там была фраза, после которой я поняла: вселенная всё-таки не милосердна. Она просто любит драматургию.

“Громов оказался не таким ледяным, как кажется. Особенно рядом с его новой пиарщицей — Алисой Карамельцевой, которая, похоже, умеет заставить улыбнуться даже человека, привыкшего командовать воздухом”.

Я медленно выпрямилась.

Виолетта закрыла глаза на одно мгновение.

Елена тихо сказала:

— Это хороший материал.

Максим взял телефон, прочитал фразу, потом ещё раз.

Его лицо стало тем самым — закрытым, жёстким, без единого лишнего движения.

— Нет, — сказал он.

— Что именно? — осторожно спросила я.

— Это направление.

— Направление хорошее. Нас перестали воспринимать как ледяной шкаф с логотипом.

— Нас начали воспринимать как пару.

В слове “пару” не было романтики.

Там была проблема. Репутационная, служебная, личная — сразу в трёх экземплярах и с печатью срочно.

— Максим Сергеевич, одна фраза журналистки ещё не делает нас парой.

Елена неловко кашлянула.

Соня, проходившая мимо, слишком быстро отвернулась к коробке с проводами.

Виолетта сказала холодно:

— Делает, если аудитория ждала именно этого.

Мы все посмотрели на комментарии под заметкой.

“Я же говорила, между ними химия”.

“Он рядом с ней реально другой”.

“Пышка спасает босса — лучший сериал весны”.

“Теперь хочу, чтобы она водила его по всем мероприяти-

ям”.

“Громов и Алиса — неожиданно, но я за”.

“Она его не боится. Это уже почти любовь”.

Я почувствовала, как профессиональная часть меня быстро считает охваты, вовлечённость и потенциал формата. А личная часть, гораздо менее дисциплинированная, пытается не смотреть на Максима.

Потому что он смотрел на меня.

Не зло. Не мягко. Слишком внимательно.

— Я не нанимал вас изображать личный интерес, — сказал он.

Фраза была сухая и, возможно, справедливая. Но попала не туда, куда он целился.

Я улыбнулась. Рабоче. Ровно. Так, чтобы никто не увидел, что внутри что-то неприятно щёлкнуло.

— Не переживайте, Максим Сергеевич. Я тоже пришла спасать вашу репутацию, а не становиться её романтическим приложением.

Его взгляд изменился.

Он понял, что сказал грубее, чем хотел. Или не грубее, а просто не туда. Но извиняться при Елене, Виолетте и остатках пончиков было не в его стиле.

— Нужно обсудить дальнейшую стратегию, — сказала Елена.

— Да, — ответил Максим, всё ещё глядя на меня. — Срочно.

Телефон в руке Елены снова завибрировал.

Потом мой.

Потом у Виолетты.

Я посмотрела на экран.

Внутренний чат компании уже кипел ссылками на статью.

А поверх них Соня прислала мне личное сообщение:

“Алиса, кажется, тег #ПышкаСпасаетБосса вышел в тренды локального бизнес-раздела”.

Я медленно убрала телефон.

Сладкий стол сработал.

Даже слишком.

Теперь публика не просто хотела видеть живого Максима Громова.

Она хотела видеть его рядом со мной.

Г

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.